1

Свету я встретил в Санкт-Петербурге в сентябре 92-го. Я учился в университете, оканчивал журфак. Параллельно общался с художниками с Невского проспекта. Питер тогда бурлил. Кинофестивали, шумные выставки в Эрмитаже, толпы западных туристов. На Невском уличная арт-богема с лубочными поделками на продажу. Кругом несостоявшиеся Сальвадоры Дали из коммуналок и спальных районов, а музыканты почти все Гребенщиковы.

Я был студентом из обоймы попроще. Я тогда только впитывал причудливые миры Кандинского и супрематизм Малевича, встречался с коллекционерами и художниками, шагнувшими из квартирного андеграунда в городские выставочные залы и галереи Западной Европы: Овчинников, Галецкий, Зубков… Размах свободы самовыражения тогда опьянял, «толстые» журналы зачитывались до дыр, очереди на выставки в Русский музей оканчивались на улице. Я сам экспериментировал с холстом, на ватмане разливал абстрактные акварельные реки, допоздна читал Набокова. Весь этот страстный процесс познания искусства и еще недавно запрещенных литературных идей смешивался с полуголодной студенческой жизнью, устроенной гайдаровскими младореформаторами.

Я снимал комнату в коммуналке на Обводном канале, в трех остановках от площади Восстания. Это было место для обитания, но не для жизни. Такая холодная, полутемная резервация для людей, при жизни ушедших в безвременье. Я сносно существовал в этом грубом зверинце. Меня грели неизведанные миры любви и искусства.

Со Светой я познакомился в Эрмитаже на выставке картин Бернара Бюффе. Она стояла перед огромным холстом из серии «Птицы». С картины совиным взглядом смотрело хищное двукрылое существо, а рядом, раскинув ноги, лежала тощая угловатая женщина. «Весьма конъюнктур-

но», – сказала Света после долгих раздумий. «Возможно», – проронил я, не подумав. «А что вы скажете об этой женщине?» – спросила Света, не отводя глаз от картины. Я сказал, что манера ее исполнения меня совершенно не трогает. «Э, нет, – возразила Света, – она написана очень забавно и, главное, удачно расположена. Куда вы, кстати, сейчас идете?»

Мы пошли в Александровский сад. Так с разногласия у нас началось что-то вроде дружеских отношений, в которых взаимопонимание было большой редкостью. Доходило до того, что на набережной, у главного университетского корпуса, мы делали вид, что не замечаем друг друга. Однако всегда наступало примирение, и начиналось оно с того, что мы разбирали на части наши упрямые характеры. «Для тебя не существует мнения другого человека, – спокойно, без эмоций говорила Света. – Ты важен сам для себя. Ты – пишущий эгоцентрик». Подобные замечания она любила высказывать в домашней обстановке за чашкой ароматного кофе. После долгого помешивания она обязательно обсасывала ложечку.

Мы часто встречались по вечерам. Мне нравилось, что она звонила мне неожиданно и второпях приглашала на концерт, до которого оставалось меньше часа. Я бросал дела, быстро надевал парадный пиджак и выбегал на Лиговский, помня про нечищеные ботинки. Я мчался в метро, толком не зная, на какой концерт приглашен. На подступах к филармонии я знакомился с концертной программой и допускал, что не каждый соглашался с ней слушать песни народов Кавказа. На концертах Света была очень серьезна. Мимикой она отмечала достоинства или недостатки музыкантов и вокалистов. Но аплодировала она всегда. И если я сидел засунув руки в карманы, она искоса посматривала на меня, упрекая в зрительском эгоизме. После концертов Света быстро приходила в себя и становилась разговорчивой. Увлеченная какой-нибудь темой, она могла невзначай коснуться рукой моего плеча или задеть мою щеку волосами. Это был ее стиль общения. За полгода учебы в Лондонском университете Света доработала свой образ. Однажды она пришла ко мне в бордовом пиджаке и широких бордовых брюках. Она сняла туфли на пробковой платформе, влезла в драные тапки и прошла в комнату с сумочкой-чемоданчиком, при виде которой мне чуть не стало плохо. Она заявила, что после поездки в Англию у нее появилось много идей, в частности она захотела открыть свою лингвистическую школу. Я засомневался в скорой реализации этого проекта и был обвинен в пессимизме и обводной провинциальности. Впервые я услышал нарекания в адрес своей замкнутой жизни. Я молча сносил ее издевки и ловил себя на мысли, что мне хочется ее поцеловать. Она не была красивой, скорее обыкновенной. Она предпочитала мальчишеские стрижки, имевшие в разное время несколько разновидностей. То она оголяла себе затылок, то оставляла на нем мелкую поросль, то придумывала слипшиеся, сосульчатые бакенбарды, то стриглась бобриком, отчего ее торчащие волосы казались мокрыми. Из Англии она вернулась с двухцветной головой: затылок светло-желтый, цвет морского песка, все остальное – цвет какао. В ее маленьком ухе возникли три металлические сережки. Она стала исповедовать деловой стиль одежды. На ней появились объемные пиджаки, висящие как на манекене, расклешенные брюки, тупоносые туфли. В обстановке обводной коммуналки ее отточенный, надушенный облик шокировал аккуратностью. Мою нелюбовь к пиджакам и галстукам Света объясняла моим неопределенным положением в обществе, не требовавшим, по ее выражению, репрезентативности. «Это у тебя возрастное, – говорила она,

скептически осматривая мой затасканный гардероб. – Альтернативный стиль хорош до определенного момента. Так в искусстве: сначала – баловство, авангард, а потом создаются произведения». Если это сравнение я оставил незамеченным, то молчать, выслушивая упреки в педантизме, не свойственном, по ее мнению, художникам, я уже не мог. Педантом я был потому, что мой письменный стол, видите ли, своей незагроможденностью не отвечал ее представлениям о свободе творчества. Идеальным художником Света считала человека модного, немного расхлябанного, общительного, подвижного, курящего хорошие сигареты, внимающего женским советам и, главное, отдающего себя беспрекословно и целиком порывам души. В ее теории это и было выражением внутренней свободы. Света полагала, что художник не должен преодолевать себя, а должен исполнять все прихоти души и тела ради самопознания. Способен на это только внутренне свободный человек. Я почти уверен, что этих мыслей она набралась из романов Лимонова. Забыв о любви к Гессе и Набокову, она долго восхищалась «сверхактивностью» и наступательностью лимоновского героя. А сам автор приятно удивил ее выступлениями в коммунистической прессе и участием в беспорядках на улицах Москвы. Я пытался разрушить ее теорию, ставя в пример художника, вознамерившегося убить человека, а после всем рассказать, как он это делал и что при этом испытывал. «В этом случае он виновен перед законом, перед Богом, перед кем угодно, но только не перед нами, – парировала Света. – Если он готов принять адские муки ради выражения истины, добытой преступным путем, ради поисков и заблуждений, пусть только описанных гениально, не наше дело винить его в преступлении. Наше дело – прочесть и сказать: это гениальная правда или гениальная ложь!» Таким образом, в ее теории не находилось места бездарным художникам-убийцам. Людей, чей криминальный дар превышал художественный, Света без сожаления отправляла в тюрьму, при этом добавляла, что заключение – еще один метод самопознания, которого лишены многие художники на свободе. Это уже подмывало фундамент ее теории. В таком случае художник, распираемый порывами внутренней свободы, может развить свои таланты только в неполноценном обществе – там легче угодить за решетку. И для этого не надо убивать и насиловать.

Мое творчество, с точки зрения Светы, по своей природе было глубоко несвободным. «Тебе не хватает мощной идеи, – рассуждала Света за сигаретой. – Ты описываешь, но не создаешь. В твоих рассказах много лирики и совсем нет философии. Ты пытаешься размышлять через описание своих состояний. Возможно, через это ты придешь к философской лиричности, но вряд ли это современно».

Чтобы подхватить стержневую идею, Света предлагала мне совершить серьезный поступок. Наиболее простым выходом она считала изменение места жительства. Оказывается, Обводный канал не был пригоден для творческой мастерской. По его загаженным набережным не бродили-де призраки фундаментальных идей. «Энергетика этого места чрезвычайно низка, – уверяла меня Света, стоя у кухонного окна, за которым шумели машины. – В названии “Обводный канал” есть что-то побочное, вспомогательное. Изначально его задумывали обслуживающей артерией города. Поэтому живут и работают здесь заземленные люди. Тебе нужно передвинуться поближе к историческому центру или вообще уехать из города на год-два».

По возвращении из Лондона Света была убеждена, что мне срочно нужно ехать на Запад. «Только там существует нормальная атмосфера

для творчества. Бедность там не унизительное состояние, а богатство – не оголтелая роскошь. От этого искусство и литература там феномен не общественный, а личный, внутренний. Они причина самих себя и интересует их только собственная история, настоящее и свое будущее».

Я не возражал ей. После лондонского семестра любой контрдовод Света расценивала как умышленную конфронтацию. Однажды я перестал слушать ее рассуждения о литературе и рассказы об Англии, я делал вид, что согласен со всеми ее мыслями и замечаниями в свой адрес. Сначала это ей нравилось – не каждый может так просто предоставить возможность расправляться со своим миром. Но вдруг мое безразличие стало ее раздражать. «Почему ты молчишь?! Скажи хотя бы, что я не права!» – возмущалась Света. «Извини, я тебя не слушал. Я думал о своем», – сказал я ей честно. И она не обиделась. После этого случая мы даже стали чаще встречаться. Если бы не очередное потепление в наших отношениях, я бы вряд ли пошел на день рождения ее подруги. Я не люблю ходить туда, где никого не знаю.

На приглашение Лены откликнулись ухоженные студенты и молодые работники коммерческих фирм. Было много цветов и вина. Преобладали пиджаки в мелкую клетку и короткие юбки. В укромных точках квартиры курили «Мальборо» и «Кэмел». Велись беседы о роскошных поездках в Европу, дорогих покупках и престижной работе. Минут сорок длился разговор о принцессе Диане и мужиковатом, по мнению собравшихся, принце Чарльзе. Света охотно рассказывала об интригах британского королевского дома, отвечала на вопросы о национальном характере англичан. Ее ответы устраивали разгулявшихся гостей до тех пор, пока расчесанный на пробор студент Восточного факультета вежливо не поинтересовался: а есть ли разница в определениях «британский» и «английский»? В период распада тоталитарных государств большинство считало, что определение «британский» неприменимо к государствам, граничащим с Англией.

– Я разговаривала с одним ирландским журналистом, – вступила в спор Лена, – так вот, он за то, чтобы по отношению к Ирландии сначала употреблялось определение «ирландский», а потом уже «британский», если оно вообще подходит к Ирландии. Англичане и ирландцы – два разных народа!

– Не уверена, – возражала Света, – исторически они, может, и разные. Но современность у них единая. В Европе скоро не будет деления государств по национальному и языковому признаку. Уже сейчас почти нет разницы, например, между немцем и голландцем, между итальянцем и испанцем. Мир достиг глубокой интеграции. Языковой барьер в межнациональной культуре, а тем более истории, интересует разве только лингвистов и туристов. Поэтому, если экономически оправдан протекторат Англии над Ирландией, значит, это нормально, так и должно быть. И, кстати, многие ирландцы за это.

– Однако Ирландская народная армия против, – не унималась Лена.

– Во-первых, терроризм не метод решения конфликтов, – быстро нашлась Света, – а во-вторых, армия, как бы она ни называлась, не выражает интересов всего народа. В ирландской армии хватает преступников, религиозных фанатиков и просто желающих заработать на раздувании национальной вражды.

Этот спор утих почти в полночь. Каждый из спорящих остался при своем мнении и, кажется, не испытывал неприязни к оппоненту. Все тот же студент-восточник (случайный разжигатель спора) вспомнил

про Лену и предложил в последний раз выпить за ее здоровье. На улице наша пестрая группа разошлась в разных направлениях. Кое-кто уехал на машинах, забыв картинно проститься с теми, кто заспешил в метро. В вагоне расслабленная Света то и дело роняла голову на мое плечо. После трех попыток вернуть себя в вертикальное положение она привалилась ко мне окончательно. Волосы ее приятно пахли. В столь быстром ее успокоении были виноваты фруктовые ликеры, которых на дне рождения было пять разновидностей. В своем нормальном деловом состоянии Света удостаивала меня скользящими прикосновениями лишь в случаях демонстрации каких-либо примеров. Так она дотронулась губами до моего носа, чтобы я почувствовал клубничный запах ее бесцветной помады, купленной в Англии. А однажды она провела ладонью по моим ягодицам, утверждая, что с такой комплекцией мне нечего бояться появления лишнего веса. Все эти демонстрационные прикосновения не трогали меня совершенно – я знал, что потребности любить Света не испытывала. Она нуждалась в человеке, подвластном ее нравоучительным воздействиям. После приезда из Англии дружеских разговоров за бутылочкой ей стало не хватать. Ей понадобились серьезные назидательные беседы, переходящие в жестокие споры. В них она начисто разбила своих друзей и подруг. Ее знакомые оказались людьми мелкого калибра: без глубоких идей, без знания языков, без желания слушать ее советы. Обеспеченное мещанство Свету не устраивало. Деньги для нее имели чисто деловое значение. Она бредила идеей открытия своей лингвистической школы.

В ночном метро я лишний раз убедился в том, как сильно я к ней привязан, к ней, избравшей меня предметом своей интенсивной критики. При этом я испытывал к Свете чувство, стоящее между дружбой и любовью. Иногда оно выражалось в достаточно резкой необходимости присутствия рядом с ней. В этом чувстве был минимум физического влечения. Ее физиология была мне чужда, как, впрочем, и моя – ей. Мне не нравилось ее бледное, как будто малокровное лицо. К тому же она пользовалась бесцветной помадой, что в применении к ее бесцветным губам было абсолютно неверно. До лондонского периода жизни Света красилась обычной помадой, преимущественно темных цветов. Отпечатки напомаженных губ она оставляла на чашках из-под кофе, выпитого у меня на Обводном.

Я проводил Свету до подъезда. Уставшая от людей и ликеров, она молчала всю дорогу. В фойе метро, заметив, что ночь была очень светлой (стоял июль), она неожиданно сказала: «А хорошо сейчас в Летнем саду!» За время нашего знакомства это было ее единственное лирическое отступление.

Из Англии я получил от Светы два письма, написанных в официально-деловом стиле. В конце второго письма она признавалась, что ей легче писать по-английски, но пишет она по-русски, дабы, цитирую, «вести разговор на равных». (Мой английский она критиковала беспощадно.) По двум письмам у меня сложилось слабое представление о ее британской жизни. Ее новым увлечением стало кино. Она познакомилась с молодым режиссером, предложившим ей роль в короткометражном фильме. Не исключено, что ее мечту об открытии лингвистической школы вытеснила мысль о карьере киноактрисы.

В моей комнате Света оставила две вещи. Она забыла какой-то роман Лимонова с карандашными пометками на полях и шелковый шарф, который при переезде с Обводного канала я отдал соседке-пенсионерке.

Университет я окончил в 93-м. Полгода проучился в Гамбурге в университетской лингвотеке (учил немецкий), пару месяцев провел в Берлине в яркой художественной массе из восточной части столицы.

Потом настали другие времена. От студенческих лет остались воспоминания, а родной факультет и Обводный канал иногда заплывали в мои сны в самых неожиданных и абсурдных вариациях.

Я жил в Калининграде. Два раза женился, два раза развелся. Работал в местных газетах, сотрудничал с рекламными агентствами. Искусство улетучилось из моей жизни вместе с сочными питерскими персонажами. Папки с абстрактными акварелями и рассказами лежали в гараже среди пластов вещественного хлама, которому дома нет места, а в гараже всегда найдется.

После окончания университета в Питере я был два раза. Последний раз в позапрошлом году. Месяц назад мне на «Фейсбук» написал Третьяков. Он решил собрать наш курс спустя двадцать лет после выпуска. Из переписки в соцсетях следовало, что около двадцати выпускников и соберутся.

Встреча была назначена в кафе на 5-й линии. До визита на Васильевский я побывал на факультете. От его старого облика, воняющих на весь коридор туалетов не осталось и следа. В аудиториях было чисто. В буфете подавали приличный кофе. Вот только студенты производили впечатление посторонних личностей, которых сюда занесло по острой необходимости.

С Третьяковым я столкнулся на улице, у входа в кафе. Как и подобает организатору, он встречал гостей на крыльце. Изменился он незначительно. Был таким же деятельным и разговорчивым. Взгляд его стал серьезным и осмысленным. Третьяков вырос до вице-президента крупной инвестиционной компании. Свой жизненный статус он подчеркивал сдержанным приветствием однокурсников.

Из тех, кто приехал на встречу, по профессии работали лишь трое: я, Арсеньев и Мазин, засевший на долгие годы в гатчинской многотиражке. У остальных судьбы сложились по-разному. Грубовеков и Самохин ушли в монастырь. Игнатьева вышла замуж за немца из секты Муна и пропала в Южной Корее. Недорезова застрелили в купчинских новостройках. Волынский осел в Израиле и избрался в кнессет. Жирова эмигрировала во Францию. Байрамов вернулся в Азербайджан, основал фермерское хозяйство и продавал овощи в Россию.

На вечере я встретил Лену. Когда-то она тесно общалась со Светой, а ныне была женой Андрея Белова. Для меня их жизненный союз стал полной неожиданностью. Но чего только в жизни не бывает…

С Андреем мы часто сидели рядом на лекциях. Одно время мы даже симпатизировали друг другу. Он работал в «Смене», я начинал строчить заметки в «Вечерний Петербург». Иногда мы заходили в кафе на Невском на капучино и круассаны. Тогда их только принесло с Запада, и народ валом валил на импортную выпечку, не жалея никаких денег. Брали мы и турноверы. Мы не сразу догадались, что это название новомодные кондитеры внедрили в русский от английского to turn over*.

Андрей работал в строительной компании начальником отдела комплектации. Где он познакомился с Леной, я не спросил. Да это было

---

* Переворачивать *(англ.)*.

и не важно. Я же, глядя на нее, поначалу засомневался: она ли это? Андрей быстро понял, что мы с Леной были знакомы. Это его приятно удивило, и он оставил нас в кафе у стойки бара, а сам вышел на улицу на подмогу Третьякову. Собственно, для разговора у нас была только одна тема.

– Помнишь Свету? – начала Лена несколько неуверенно. Возможно, она решила, что спустя столько лет разговор о ней мне будет неинтересен. – Ну, ты с ней одно время общался.

– Конечно, помню. А что?

– Ты знаешь, чем она сейчас занимается?

– Я не видел ее двадцать лет.

– Она торгует овощами в магазине на Лиговском, недалеко от Обводного. – Лена взглянула на меня вопросительно. – Тебя это удивляет?

– Как тебе сказать…

Честно говоря, я не ожидал такой новости. Мне проще было поверить в то, что передо мной стоит жена Андрея, чудесным образом встретившая его на питерских просторах. Свету в образе продавщицы я как-то слабо представлял. Она была слишком сильной личностью, чтобы так низко пасть.

– Ты помнишь, наверное, что она уехала в Лондон, – продолжала Лена. – Оттуда она часто мне писала. У нее шло все хорошо до тех пор, пока она не окончила университет. Работу в Англии она не нашла. Зато познакомилась с режиссером, который снял ее в рекламном ролике. Она была так счастлива, думала, скоро дойдет до высот киноактрисы. Но это был временный успех. Отношения с режиссером закончились. Он и сам, как я поняла, был из приезжих. В конце концов, она вернулась домой. Сделала дурацкую стрижку. Психовала по поводу и без. Она не представляла жизни без Англии. В Питере ее все раздражало. Люди бесили, каналы воняли. Пару раз мы крепко поцапались. Потом она еще сделала несколько попыток закрепиться в Англии, но безрезультатно.

Гости постепенно заполняли зал. На мрачном «хаммере» подкатил Кучеренко, Третьяков беседовал с импозантным Байрамовым. В дверях показался располневший Шалаев – староста курса. За ним возник худощавый Мазин. Он был навеселе.

Времени на потусторонние разговоры у нас почти не осталось. Вскоре должно было начаться застолье.

– А тебе она писала? – спросила Лена.

– Я получил от нее пару писем. И что было дальше?

– Мы перестали общаться. Потом я случайно встретила ее мать. Она дала мне телефон Светы. Просила обязательно позвонить.

Далее из рассказа Лены я узнал, что в Питере Свете пришлось довольно несладко. На открытие собственной лингвистической школы требовались деньги. Их у нее не было. Кредитной системы тогда не существовало, а в финансовые пирамиды нужно было что-то вложить, чтобы извлечь дивиденды. Она перебивалась репетиторскими занятиями. Потом устроилась переводчиком в совместное предприятие. Оттуда ее быстро вышибли дети местной деловой знати. Но она не отчаивалась. Забросила английский, устроилась менеджером в фирму по производству стеклопакетов, поработала продавцом в книжном магазине, консультантом в мебельном салоне, где познакомилась с будущим мужем. Брак ее быстро развалился. Муж продавал дорогую финскую мебель. Бизнес его шел в гору, появились накопления. Он купил дорогую иномарку, и его понесло: пьянки, женщины, разборки с милицией,

братками, женой… В одну из таких ссор он ударил Свету стулом из новой коллекции. Разбил ей лицо, выбил зуб. Лена несколько раз навещала Свету в больнице. На этом контакты подруг обрываются. Из рассказов знакомых Лене стало известно, что после выздоровления Свету каким-то образом занесло на службу в милицию. Она стала жесткой и решительной (впрочем, такой она была всегда). Она ошибочно поверила во всемогущество своего мундира, натворила непотребных дел на службе и была уволена из органов по причине превышения должностных полномочий.

Вечер закончился в первом часу ночи. Все остались довольны организацией торжества. Чувствовалось, что Третьяков – специалист по проведению массовых мероприятий. С работы он пригнал два микроавтобуса, чтобы развезти приезжих по гостиницам. Мазину он устроил трансфер до Гатчины (вторую часть вечеринки Мазин проспал в обнимку с подушкой на диване у барной стойки). На прощание Шалаев раздал всем фотографии курса, отснятые в день выпуска у Дома журналиста. Байрамов презентовал тепличные помидоры. Жирова пригласила всех в Марсель, а я по-скромному к себе на Балтику.

– Может, ты завтра к ней съездишь? – спросила Лена, садясь в такси. – Это угловой магазин на Лиговке рядом с Предтеченским мостом.

– Я, кажется, знаю, что это за магазин.

Я пожал руку Андрею, и Третьяков подтолкнул меня к двери микроавтобуса, откуда слышался храп Мазина.

Есть люди, которым фатально не везет. Есть те, чьи желания со временем сужаются до стандартных жизненных потребностей: съездить в очередной отпуск, купить что-нибудь очень нужное, выспаться наконец. Или вот еще. К полтиннику здоров, не развелся, есть дети, и уже хорошо. О том, чего когда-то хотел добиться, и вспомнить страшно. А если вспоминаешь, то в оправдание собственного бессилия говоришь: «Ну это же было заведомо невозможно». Не знаю, чем объяснить «падение» Светы. Фатализмом или заоблачным уровнем поставленных задач? А может, причина крылась в ней самой? Я не собирался задавать ей трудных вопросов. Меня тянуло увидеть ту Свету, с которой мы вместе ходили на выставки, долго и жарко дискутировали в белые ночи на интересные темы, а когда она покидала мой «склеп» на Обводном, мне почему-то ее не хватало.

3

Овощной магазин сменил вывеску. Теперь это были в духе времени объемные буквы с внутренней подсветкой. К буквам пристыковывалась плетеная корзина с помидорами и огурцами. Контуры овощей подсвечивались гибким светодиодным шнуром.

Помню, когда-то сюда завезли ананасы и кокосы. Потом пошли «пластмассовые» испанские помидоры и гигантские голландские яблоки. Народ с Лиговки толпился вокруг лотков с заморскими плодами и в уме обреченно конвертировал гайдаровскую валюту на помидоры. Обычно я выходил из магазина с яблоком и помидором. Если везло, брал еще грушу, а сладкий запах подбродившего ананаса преследовал меня до дома.

В магазине было два человека. Пожилой мужчина в кепке и женщина средних лет с сумкой на колесиках – обычные обитатели Лиговки

и смежных переулков. Но не они меня сейчас интересовали. Я бросил взгляд на продавцов. Их было два. Две женщины за сорок стояли за кассами в разных концах зала и ковырялись в телефонах. Светы среди них не было. В центре зала громоздились стеллажи с овощами и фруктами, вдоль стены тянулись полки с соками и водой. Автобус в аэропорт отправлялся через два часа. Я решил купить фруктов в дорогу и пройтись к дому на Тамбовской, в котором провел четыре счастливых студенческих года. Я набрал в пакет мандаринов, взял два яблока и грушу. У кассы еще раз взглянул на хмурую продавщицу в свитере с растянутым горлышком и невольно отступил назад. В полном недоумении, с пакетом в руках я смотрел на три сережки-гвоздика, которые и по прошествии двадцати лет тускло блестели в левом ухе Светы. Я стал нервозно искать визуальное сходство ее нынешней с той веселой, задиристой девушкой и, не находя его, все же осознавал, что это она и есть. Это её потертое временем существо стояло передо мной и назидательно твердило:

– Так, ставьте пакет на весы! Не задерживайте очередь!

Я вверил ей пакеты. Да, это была она. Голос ее отдавал неприятным металлическим скрежетом, но интонации были мне знакомы.

– Нал? Безнал? – машинально спросила Света.

Я достал из бумажника карту и засунул ее в терминал. Глядя в несвежее лицо продавщицы, я все еще пытался найти в ней черты, принадлежащие Свете. Но ни рыхлый овал лица, ни зачесанные назад редкие сальные волосы, стянутые в жидкий хвост резинкой, ни глубокие борозды на лбу, ни по-рыбьи грузные красно-оранжевые губы не выдавали ее близкого присутствия.

– Так, забираем пакеты! Следующий! – скомандовала Света.

Я сложил покупки в рюкзак и отошел к центру зала. Оттуда я смотрел на нее, тщетно пытаясь понять, как так вышло, что она изменилась до неузнаваемости.

Рассчитав двух покупателей, Света поняла, что я за ней наблюдаю и не собираюсь уходить.

– Так, ну что смотрим? – бросила она в мою сторону, не отходя от прилавка. – Еще что-нибудь?

Похоже, она меня не узнала. Я вновь подошел к ней.

– Ты меня помнишь?

– Почему я должна тебя помнить? – вопросила Света. – Тут таких, как ты, сотни. И десятки воруют.

Она посмотрела на мой рюкзак. Взгляд ее был настойчив и подозрителен.

– Показать? – спросил я, почуяв неладное.

– Не надо. Давай дуй отсюда, пока я добрая, – помиловала меня Света и взялась за следующего покупателя.

Я закинул рюкзак на плечо. У выхода на пробковой доске висели нечеткие принтерные «портреты» неких темных личностей. Над ними была приколота распечатка: они пойманы на воровстве в нашей торговой сети.

Я вышел на улицу. Лиговский гудел. Громыхали трамваи. В магазине буянила Света. Было ветрено, по-февральски сыро и неуютно, примерно так, как двадцать лет назад, когда я вышел из этого магазина и ,голодный, побрел домой, преследуемый запахом переспелого ананаса.